

■ Июль 2015 года

Глава 1

СВИДЕТЕЛЬНИЦА

Я совершила ошибку. Теперь-то ясно.

И все только из-за услышанного тогда в поезде. Послушайте, по правде говоря — каково было бы вам?

До того случая я вовсе не считала себя ханжой. Или наивной. Ладно, ладно, я получила довольно обычное — можете сказать, безмятежное — воспитание, но... господи, посмотрите на меня. Я немало пожила, немало знаю. В плане морального поведения довольно средняя по шкале Рихтера, — поэтому меня так потрясло то, что я услышала.

А ведь казались славными девчушками!

Конечно, не стоило мне слушать чужие разговоры. Но как ничего не слышать в общественном транспорте, скажите на милость? Одни стрекочут в свои мобильники, другие начинают говорить громче, чтобы их расслышал сосед...

Наверное, я не влипла бы в эту историю, будь у меня книга поувлекательней. Увы, к моему величайшему сожалению, я купила книгу по той же при-

чине, по которой купила журнал с ветрогенераторами на обложке.

Я где-то читала, что человека к сорока годам больше должно беспокоить то, что он думает о других, чем то, что думают о нем. Почему же у меня до сих пор все не так?

«Хочешь купить журнал “Хелло”, так покупай, Элла». Плевать, что подумает скучающая студентка за кассой.

Куда там!.. Я покупаю какой-то экологический журнал и поучительную биографию; и к тому моменту, как в Эксетере в вагон входят два молодых человека с черными пластиковыми пакетами, я уже маюсь от скуки.

И вот вопрос. Что придет вам в голову при виде входящих в вагон двух парней, каждый с черным пластиковым пакетом — с неизвестным содержимым? Я сама мать подростка, спальня которого подпадает под закон об охране труда и здоровья; и внутри себя просто скривилась: «Ну, конечно, даже сумок приличных не нашли».

Шумные и возбужденные, парни едва успели на поезд; напыщенный дежурный на платформе уже свистел в свисток с яростным неодобрением. Наигравшись с автоматической дверью — открылась, закрылась, открылась, закрылась; почему-то их это очень забавляло, — они уселись на места у багажных полок. Однако, заметив двух подруг из Корнуолла, многозначительно переглянулись и двинулись по вагону к местам у девушек за спиной.

Я улыбнулась про себя. Понимаем. Я же не зануда, сама была молодой.

Девушки притихли и потупились, потом одна многозначительно взглянула на подругу. Да, один из парней был необыкновенно хорош собой, похож на модель или солиста мальчиковой группы. Невольно вспомнилось особое щекотание в животе. Ну сами знаете.

И я несколько не удивляюсь, когда парни встают и симпатяга перегибается через разделяющую их спинку сиденья. «Может, принести девушкам что-нибудь из буфета? Раз уж я иду?»

Обменялись именами, немножко похихикали... Спустя два кофе и четыре пива парни пересаживаются к девушкам — и они достаточно близко, чтобы мне все было слышно. Знаю, знаю, не следовало слушать. Но не забывайте, мне скучно. А они громогласные.

Так вот. Девушки повторяют то, что я уже уловила раньше из их болтовни. Поездка в Лондон — первая самостоятельная поездка в столицу, подарок от родителей в честь окончания средней школы. Им заказан номер в недорогом отеле, у них билеты на «Отверженных», и они никогда так не волновались.

— Шутите! Никогда не ездили одни в Лондон? — Карл, похожий на солиста мальчиковой группы, изумлен. — О, Лондон коварный город, девочки. Будьте внимательны. Только такси — никакого метро после театра. Слышите?

Карл мне нравится. Он советует магазины и лавочки — и клуб, где, как он утверждает, совершен-

но безопасно, можно послушать приличную музыку и потанцевать после спектакля. Он записывает на бумажке название. Там у него знакомый вышибала. «Скажете, что от меня, ясно?»

Анна, та, которая повыше, спрашивает про черные пластиковые пакеты; и я тайком радуюсь, что она поинтересовалась, — мне и самой любопытно.

Выясняется... Двое молодых людей только что вышли из тюрьмы. В черных пакетах их имущество.

Молчание длится недолго. Очень быстро девушки берут себя в руки.

— Прикальваетеесь?

Нет. Парни не прикальваются. Они решили быть честными. За прошлые ошибки расплатились сполна, но ничего не стыдятся.

Хотите начистоту, девочки? Карл отбывал наказание в Эксетере за физическое насилие, Энтони — за воровство. Карл просто вступился за друга, понимаете, и — положила руку на сердце — теперь поступил бы так же. К его другу цеплялись в баре, а Карл ненавидит забияк.

Я думаю над парадоксом — забияки против физического насилия; и разве у нас сажают за мелкие потасовки? — но девушки, похоже, очарованы и с милой наивностью говорят, что верность другу — это хорошо и что к ним в школу однажды приезжал парень после тюрьмы и рассказывал, как полностью изменил свою жизнь, отсидев за наркотики. Весь в татуировках. Весь.

— Ух ты. Тюрьма. Каково там на самом деле?

В этот момент я задумываюсь о своей роли.

Представляю, как мама Анны надрывается на кухне у плиты и с беспокойством спрашивает у мужа, как там их маленькая девочка, а он просит ее не волноваться по пустякам. «Они быстро вырастут. Разумные девочки. Все будет в порядке, милая».

А я думаю, что они совсем не в порядке. Потому что Карл говорит, что правильнее нашим подружкам найти кого-то, кто хорошо знает Лондон и может их сопровождать.

Карл и Энтони намерены остановиться у друзей в Воксхолле и предвкушают грандиозную вечеринку в честь выхода на свободу. Что, если они встретят девочек после спектакля и вместе отправятся в клуб?

И я решаю, что должна позвонить родителям девочек. Они упоминали название деревни. Анна живет на ферме. Не бог весть какая головоломка. Можно позвонить на почту или в местный паб; ну сколько там ферм?

Однако Анна отказывается. Нет. Они, пожалуй, лягут сегодня пораньше, чтобы с утра отправиться по магазинам. Они, видите ли, собираются первым делом пойти в «Либерти», потому что Сара хочет примерить кое-что от Стеллы Маккартни¹ и сфотографироваться на телефон.

Умница, думаю я, разумница. Можно не вмешиваться.

Увы, возникает осложнение, потому что Сара, похоже, запала на Энтони. Снаряжается вторая экс-

¹ Стелла Нина Маккартни (р. 1971) — английский модельер, дочь участника группы «Битлз» П. Маккартни.

педия в буфет, и по возвращении все меняются местами — теперь Анна сидит с Карлом, а Сара с Энтони, который жалуется, как загубил свою жизнь. Он пошел на преступление только от отчаяния, говорит он, — не мог найти работу. Не мог поддерживать сына.

Сына?

Я ошарашена. Меня накрывает тенью стыд за мою жизнь в шоколаде — я буквально съеживаюсь, пока Энтони объясняет, что судится с бывшей за право встреч с ребенком, пока жалуется Саре, как плохо, что он не сможет растить сына, а сын не будет знать отца. «Правда же, это ужасно, Сара? Вырасти, не зная отца?»

Сара меня поражает: сдавленным голосом она говорит, что Энтони действительно молодец, раз так переживает, ведь так много молодых людей не переживают, а просто бегут от ответственности. «Я чувствую себя ужасно. А мы-то про Стеллу Маккартни...»

Теперь я уже ничего не понимаю. Да и откуда мне понимать — мне, женщине, чьи баталии по поводу сына сводятся к запрету фильмов «детям до 18» в местном кинотеатре?

Дальше разговоры на целый час стихают до шепота, и я изо всех сил стараюсь читать — разобраться в преимуществах бесшумных ветрогенераторов. А потом Энтони и Сара снова идут в буфет. Опять пиво, думаю я. Большая ошибка, Сара. И я решаюсь.

Да. Я тоже пойду к буфету — якобы за кофе — и в очереди или в коридоре изображу, что у меня беда с телефоном. Попрошу Сару помочь — чтобы от-

цепить ее от Энтони для тихой беседы — и предупреду: если она не прекратит ерунду, я позвоню ее родителям. «Сию же минуту, понимаешь, Сара? Их номер я найду».

Наш вагон — третий от буфета. Во втором вагоне я стукаюсь о сиденья — бьюсь, бьюсь, бьюсь бедрами и нащупываю телефон в кармане жакета, проходя через автоматические двери в тамбур.

И тут слышу их.

Никакого стыда. Даже не пытаются вести себя тихо. Занимаются этим громко и гордо, в туалете поезда. Как животные в брачный период.

Я поняла, что это они, по голосу Энтони. *Как долго он ждал. Как он благодарен. Сара, о да, Сара...*

Я потрясена до глубины души.

Горю от унижения. От ярости. Задыхаюсь и хочу только одного: ничего не слышать.

И стыжусь своей наивности. Своих нелепых рассуждений.

Бреду по коридору до следующих автоматических дверей, в следующий вагон, взволнованно и растерянно пытаясь уйти подальше от свидетельства моего просчета.

Славные девочки?

В очереди в буфете я снова слышу биение пульса в ушах и думаю: хоть кто-нибудь их услышал? Пожаловался на них?

И повторяю про себя: пожаловался? Кому жаловаться, Элла? Другие сделают в точности то, что тебе следовало сделать с самого начала: займутся своим делом.

Тут мои мысли путаются, и я начинаю размышлять, почему стала такой отсталой, такой замкнутой. Женщиной, которая не имеет ни малейшего понятия о современной молодежи. И вообще ни о чем.

В голове — калейдоскоп воспоминаний. Обрывки картинок. Журналы, найденные в комнате сына. Тот вечер, когда мы пришли из кино рано и обнаружили, что Люк пытается взломать код на телевизоре, чтобы посмотреть порно.

В том злосчастном поезде я поняла, что непременно нужно поговорить с мужем. С моим Тони. Проверить ориентиры. Нужно спросить его: неужели вся проблема не в них, а во мне? Я — сплошное недоразумение, Тони? Нет, серьезно, будь честен со мной. А как мы тогда спорили из-за каналов для взрослых и журналов Люка!

Я что, самая ужасная ханжа?

Я действительно пытаюсь дозвониться до него — из гостиницы, после конференции. Хочу рассказать, что поступила разумно, когда пересела в другой конец поезда. Занялась собой. Девушки вполне способны разобраться самостоятельно.

Но Тони нет дома, и мобильный он с собой не носит, считая его, как некоторые, причиной рака мозга. Так что я поговорила с Люком. Меня странным образом успокоил его рассказ об ужине: он приготовил рагу по скачанному через новое приложение рецепту. Мой Люк любит готовить, а я пошутила насчет состояния кухни: он наверняка использовал всю имеющуюся посуду.

И вот утро в гостинице.

Ненавижу это ощущение: тело словно чужое — из-за кондиционера, незнакомой кровати и неумеренности с мини-баром. Моя норма в гостиницах — стаканчик бренди после утомительного дня. Едва только половина седьмого, и я поспала бы еще... Увы, десять минут мучений, и я сдаюсь, глядя на печальные пакетики в пиале рядом с чайником. Уговариваю себя, что вот на этот раз выпью растворимого кофе, а в результате выливаю его в раковину.

Смотрю на ряд пустых мини-бутылочек, ежась от ужасной мысли. Бросаю взгляд на телефон у кровати и ощущаю укол страха, знакомую дрожь: я сделала что-то стыдное, о чем еще пожалею. Поворачиваюсь спиной к ряду бутылочек и вспоминаю, что вчера после второго бренди решила позвонить в справочную, чтобы разыскать родителей тех девушек. От этого воспоминания меня бросает в дрожь, но память словно в дымке. «Ты в самом деле звонила? Думай, Элла, думай».

Вновь смотрю на телефон и пытаюсь сосредоточиться. Ага. Вспомнила — и напряженные плечи наконец расслабляются. Я держала трубку в руке и, уже почти набрав номер, поняла, что плохо соображаю — и не только от бренди. Мой мир перевернулся. Я хотела позвонить не от беспокойства за девочек, а в качестве наказания — злилась на Сару, которая заставила меня переживать.

Я поступила разумно. Положила телефон, выключила свет и легла спать.

Хорошо. Очень хорошо. Я ощутила такое облег-

чение, что решила в качестве праздника все-таки отведать растворимого кофе.

Включаю чайник, потом телевизор. И тогда он наступает — тот единственный миг, который растягивается, растягивается за пределы комнаты, за пределы города. Миг, когда я понимаю, что моя жизнь никогда не станет прежней.

Никогда.

Звук в телевизоре выключен — поздно вечером я смотрела фильм с субтитрами, чтобы не беспокоить постояльцев в соседнем номере. Но картинку не узнать нельзя. Фото со странички в «Фейсбуке». Красотка. Зеленые глаза сияют, светлые волосы укрывают плечи. На заднем фоне остров Сент-Майклз-Маунт.

И тут я словно каким-то образом отъезжаю назад — сквозь подушки, спинку кровати, сквозь стену — и вижу экран из далекого далека. А по экрану ползут ужасные, отвратительные слова: «Пропала... Анна... пропала... Анна...»

Чайник пышет сердитым паром на зеркало, а у меня в голове роится громадная черная туча слов.

Для полиции. Для Тони.

«Ну поймите, я собиралась позвонить...»

Глава 2

ОТЕЦ

Генри Баллард сидит в теплице, старательно не обращая внимания на шум из кухни.

Он знает, что нужно идти к жене — помочь, уте-

шить, — но знает и то, что ничего не может изменить. И не трогается с места. А по-честному — хочет просто сидеть и сидеть, глядя на лужайку. В этом странном пространстве, пристройке к дому, который никогда ему не нравился — то слишком жарко, то слишком холодно, несмотря на жалюзи и на вентилятор с пылеуловителем, установленный за бешеные деньги, — только здесь Генри удавалось впадать в полусознательное состояние, здесь его мысли скитались вне тела, вне времени, уплывали в сад, где он прямо в эту рассветную минуту слушает разговор девочек в их убежище среди кустов. Анна и Дженни.

Тогда у них начался мерзкий розовый период. Розовые одеяльца. Розовые Барби. Розовая палатка, купленная по какому-то каталогу и набитая всякой девчачьей всячиной. Он даже близко подходить отказывался. А теперь ничего так не желал, как забыть про удои и сенокос, про налоги и банки, чтобы разжечь костерок и жарить сосиски дочкам на завтрак. Настоящий лагерь — он много раз обещал им, но так и не устроил...

Могучий грохот на кухне возвращает его к реальности. Упали на пол жестянки — формочки для выпечки всевозможных видов и размеров.

- Да что ты делаешь?
- Сливовый пирог.
- Бога ради, Барбара...

Любимые пироги Анны. Бисквитный корж с начинкой из пряных слив. Генри чует запах корицы: баночка на кухонном столе опрокинулась, и пряность образовала маленький холм.